

© 1992 г. ЭО, № 2 Л. В. Самарина

ТРАДИЦИОННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА И ЦВЕТ(Основные направления и проблемы
зарубежных исследований)

Мир природы, окружающей человека, и мир, созданный самим человеком, — это мир цвета. Для этнографов, специалистов по фольклору, народному искусству, зодчеству различия в цветовом видении у отдельных народов, в их эстетическом отношении к цвету — очевидны. Вполне понятно, что знакомство с той или иной культурой может быть полноценным только тогда, когда объекты этой культуры воспринимаются в цвете. По-видимому, по отношению к культуре цвет выступает не просто как неотъемлемое свойство среды, природной или искусственной, но и как своеобразная, но существенная сторона духовного опыта человечества, одна из первичных форм его фиксации и систематизации.

С тех пор, как в прошлом столетии были обнаружены различия в цветовом видении у разных народов мира, обсуждение этой темы шло с нарастающей интенсивностью и захватило весьма широкий круг наук, нередко далеких друг от друга, что было связано с многократной сменой самой постановки вопроса об истоках вариаций в цветовидении и переменами в методологии исследования¹.

Открытое европейскими этнографами у аборигенных племен значительное своеобразие мира цвета объяснялось первоначально как некая врожденная аномалия или по крайней мере как свидетельство более низкой по сравнению с европейцами эволюционной стадии, на которой якобы задержались эти народы. У. Гладстон и Л. Гейгер предположили, что «архаичные» народы изначально были цветослепыми, а Г. Магнус создал «историко-физиологическую» теорию, по которой физиологический аппарат цветовосприятия получает свое полное развитие лишь у высококультурных народов Европы².

Проблема этнографическая и историко-культурная была сведена, таким образом, к биологической, что направило в последующем исследовании в русло офтальмологии, невропатологии и других отраслей медицины. Результат медико-биологического по существу обследования коренных жителей ряда колониальных тогда территорий не оправдал ожиданий исследователей³, хотя и удалось выявить отдельные биофизиологические детерминанты некоторых частных особенностей цветовосприятия, связанные с региональными условиями. Впоследствии эта детерминация, отражающая зависимость цветовосприятия от состава питания, в частности содержания в нем витамина «А», и уровня солнечной инсоляции, была подробно изучена У. Геддесом, М. Борнстейном и др.⁴ Все это, однако, не имело связи ни с этнической принадлежностью, ни с эволюцией. Дефект, таким образом, обнаружился не в зрении этих народов, а в постановке проблемы как естественнонаучной, биоэволюционной.

Подводя итоги этого первого периода, французский специалист по цветовосприятию Ив Легран писал, что изучение визуальных процессов у «примитивных» народов не обнаружило существенных различий по сравнению с «цивилизованными» этносами: «На основе того, что известно сегодня, у первобытных племен нельзя установить различий с нашим зрением»⁵.

По-видимому, первыми, кто выдвинул идею о социокультурном происхождении различий в цветовых системах традиционных обществ, были английский психолог Г. Аллен и известный англо-американский психолог У. Мак-Дугалл. Они пришли к выводу о том, что интерес к определенным цветам зарождался у людей в процессе трудовой и эстетической деятельности и цветовые термины возникали в языке только тогда, когда в них появлялась практическая потребность. Они высказали также догадку об обусловленности цветового словаря преимущественной цветностью ландшафта⁶. Их работы не носили еще экспериментального характера, однако от предыдущих «палеотекстологических» и медицинских изысканий они отличались обращением к памятникам материальной культуры тех самых народов, которые прежде считались «цветослепыми». Произведения архитектуры, живописи, пластики архаичных народов Средиземноморья и Востока обнаружили богатую и тонко разработанную полихромую. На этом основании Г. Аллен заключил, что «все самые цивилизованные и самые дикие расы воспринимают цвет идентично»⁷.

Социокультурную трактовку этнических различий в цветовосприятии и цветообозначении решительно поддержала экспериментальная психология, получившая развитие особенно с начала XX столетия и включившая в поле своего зрения этнопсихологическую проблематику. В ряду многочисленных ученых-экспериментаторов следует особо отметить врача и этнолога У. Риверса,

психологов Э. Титченера (Великобритания) и Р. Вудворта (США), заложивших основы современного понимания проблемы⁸.

К сожалению, возобладавшая в последующем бихевиористская методология, которая видит в цветовосприятии лишь реакцию на внешний стимул, воспрепятствовала многим другим экспериментаторам получить значимые результаты. Фиксируя лишь индивидуальные реакции вместо того, чтобы проанализировать коллективную социальную деятельность, в том числе и материальную, эта концепция принципиально не могла включить в себя цветоформирующую активность субъекта-этноса в сфере культуры. Изучая лишь восприятия, даже и групповые, невозможно подняться над трактовкой человека как пассивно воспринимающего существа и соответственно этноса как только адаптирующегося к природе. В этом случае в тени остается созидание человеком искусственной цветовой среды как особый — и для данной темы центральный — аспект развития материальной культуры (это видно, например, из концепции М. Салинса, о которой речь пойдет ниже).

Поиски более адекватного эмпирического материала, отражающего этнокультурную специфику и вместе с тем допускающего применение объективных статистических методов, привели вышеупомянутых экспериментаторов, а за ними и других ученых к изучению в широких масштабах цветового словаря многочисленных языков, особенно у малых изолированных этносов. Изучение цветовой терминологии открывало кроме всего прочего ценную возможность проникнуть сквозь древние тексты в глубокую историю цветообозначений и сопоставить ее с миром цвета живых культур. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще У. Гладстоном и Г. Агленом, позднее наиболее значительные работы были связаны с именами Р. Вудворта, В. Рея, М. Свадеша, М. Дурбина, Б. Берлина и др. На долгий период, продолжительностью примерно в полстолетия, разработка интересующей нас проблемы переместилась преимущественно в плоскость филологии.

Филологический «крен» достиг кульминации в гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой источником человеческих представлений об окружающем мире является во многом сам язык с его грамматической структурой и лексикой¹⁰. Применительно к нашей теме это означало, что цветовые термины определяли цветовосприятие, тогда как больше оснований было говорить об обратном. Цветовой словарь оказывался самодовлеющей «независимой переменной», породившей весь цветовой мир этнокультуры, в то время как состав самого словаря, его происхождение оставались вне исторического объяснения.

Известна критическая позиция нашей науки, в том числе и этнографической, по отношению к идее лингвистической относительности. Для нашей же темы особенно показательна критика в адрес Сепира-Уорфа со стороны тех зарубежных ученых, которые пытались проверить данную идею экспериментально на цветовых представлениях. В частности, Э. Хейдер пришла к следующему заключению: «Цветовое пространство не только не является весьма удобным объектом для изучения влияния языка на мышление, но, напротив, представляют собой яркий пример воздействия перцептивно-когнитивных факторов на образование и содержание цветовых категорий»¹¹.

Исследования цветового словаря тем не менее показали — и в этом их ценность — опосредованность цветовых представлений нормами культуры, воплощенными в языке. И все же филологические изыскания, сколь бы ни был важен привнесенный ими материал, касались больше результатов и формы, в которых объективируется цветное видение, нежели раскрывали сам перцептивный процесс или лежащую в его основе реальную деятельность человека. Выяснилось, что «язык не дает надежного ключа к способности восприятия»¹².

После того как в антропологии, психологии, лингвистике утвердилось социокультурное объяснение этнических различий в системах цветообозначения, возник вопрос о соотношении этих многообразных систем между собой и о возможностях взаимного перевода языка цвета одной этнокультуры на языки других культур. Для некоторых исследователей этой проблемы здесь не возникало, так как в самом существенном язык цвета якобы отражает универсальные психические процессы и в этом смысле он «интернационален», а различия — вопрос лишь семантических условностей (М. Люшер); другие в духе культурного релятивизма рассматривают каждую систему цветообозначения как исключительно специфичную для данной культуры и соотносящуюся только с ней (М. Херсковиц), третьи (М. Салинс, Б. Берлин, П. Кей) пытаются увидеть в различающихся способах цветообозначения некий исторический ряд, последовательные стадии общественного и культурного развития¹³.

Антропологическое единство человечества и наличие общепсихических компонентов в практической деятельности у народов, находящихся на различных ступенях социальной истории, обуславливают (как это теоретически выразил Д. Брунер и экспериментально показала Э. Хейдер) определенное единство в разнообразии цветовых представлений этносов, присутствие в них «цветовых универсалий»¹⁴. Это общее не исключает особенного, которое детерминруется специфическими условиями цветного окружения, неповторимым своеобразием исторической практики и всей жизнедеятельности этноса.

Сторонники стадийности формирования цветообозначений преимущественно придерживаются концепции культурного эволюционизма, которая развивается в русле неозволюционистского направления. Его видные представители Д. Стюард и М. Салинс (специально изучавший роль цвета в культуре) рассматривают культуру как специфический случай эволюции, при которой адаптация человеческой общности к среде опосредуется социально-историческим наследием в виде ценностей и норм. Разнообразие и динамика природного окружения ведут к диверсификации — росту разнообразия культур. Развивая подобную концепцию культуры применительно к интересующему нас аспекту, М. Салинс говорит о «постоянном диалектическом обмене» между культурой и природой, решающая роль в котором отводится экологии. С этой точки зрения все культурные вариации, в том числе и цветовые, объясняются в конечном счете естественно-средовыми причинами¹⁵.

Эта концепция, однако, не проясняет, в частности, вопроса, откуда возникают изменения в цветности постоянной среды обитания этноса. Ограниченность, уязвимость выведения культурных процессов из «давления среды» становится очевидной даже для близких М. Салинсу теоретиков¹⁷, ибо здесь игнорируется такая важная величина, как творческая, преобразовательная деятельность этноса. Но, хотя на концептуальном уровне указанный аспект не был выделен и разработан в известной автору западной научной литературе, все же в ней обнаруживается немало идей, наблюдений и частных обобщений, подводящих вплотную к исследованию цветоформирующей практической деятельности, к пониманию исторического происхождения цветových представлений.

В своей оценке работ зарубежных исследователей мы исходим из понимания цвета не только как физического явления или стимула для биологической реакции, но как неотъемлемого компонента исторически развивающейся практики. Цветовое богатство предметного мира этнической культуры вместе с цветностью естественной среды и ее хроматическими ресурсами стали материальной основой формирования цветových категорий. Движущим фактором цветоформирующей человеческой деятельности по созданию искусственной цветовой реальности выступает, в частности, производство окрашенных материалов и красителей. Чувство цвета в культуре столь же исторично, как и зрительное восприятие в целом. Движение шло, по-видимому, от цветových систем, обусловленных цветностью ландшафта, природных материалов и красителей, к системам, больше опирающимся на искусственные хроматическую среду и материалы.

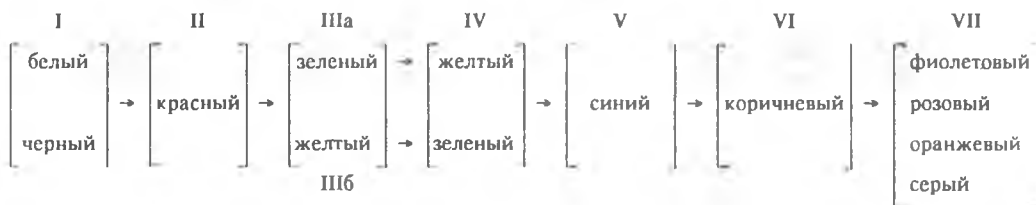
Примечательно, что большинство ученых, разрабатывающих тему «культура и цвет», сосредоточили внимание прежде всего на изолированных малых этнических общностях Африки, Австралии и Океании, аборигенах Америки или на замкнутых этнических группах в промышленно развитых странах Запада. С одной стороны, это было данью традициям европейской науки колониальной эпохи, с другой — обращение к традиционным культурам дает и ныне существенные преимущества в изучении проблемы цвета по сравнению с другим этнографическим материалом¹⁸.

Как было показано выше, известным итогом теоретического поиска западных исследователей стал стадийно-эволюционный подход к происхождению цветообозначений, представленный работами Б. Берлина, П. Кея и М. Салинса. Наиболее полно этот подход был изложен в 1969 г. в фундаментальном совместном исследовании «Базовые цветových термины»¹⁹, которое обобщает обширный эмпирический материал по цветовой терминологии в языках различных народов мира. Работа сочетает концептуальность с фактографичностью, затрагивает основные узловые пункты проблематики цвета в культуре и в определенной мере может считаться ключом к остальным эмпирическим изысканиям зарубежных авторов по данной теме, тем более что многие из них выполнены на базе идей Берлина и Кея. Рассмотрим последние подробнее.

Содержание их концепции можно свести к трем основным положениям.

1. Существует 11 базовых цветových категорий (моноксем)²⁰, которые лежат в основе формирования и последующего развития цветовой терминологии всех народов мира, поэтому они являются не только перцептивными, но и семантическими, переводимыми с языка на язык универсалиями.

2. «Всеобщий» эволюционный закон их становления выражен авторами в схеме, в которой указанные 11 цветových категорий в определенном порядке занимают семь ступеней, отражающих очередность появления в любой культуре тех или иных цветových понятий.



(В этой схеме любая более поздняя стадия включает в себя все цветových категории предыдущих ступеней. III ступень содержит варианты. Здесь с равной вероятностью может появиться термин только для зеленого или для желтого цвета. Одновременно они достигают абстрактного уровня в языке лишь на IV стадии. Цветовой словарь, достигший седьмой ступени развития, не обязательно включает в себя все цвета этого уровня, но, возможно, только некоторые из них.)

3. Количество и состав цветových категорий соотносительны с историческим уровнем развития данной этнической культуры (сложностью технологии, степенью развития социальной организации и т. д.). Поэтому по используемому набору цветových терминов можно определить историческую ступень, занимаемую культурой.

Ценность выдвинутой этими учеными гипотезы трудно определить однозначно. С одной стороны, она получила весьма широкое признание в западной этнографической и иной специальной литературе, хотя и не безоговорочное. Более критичной и вместе с тем дифференцированной, неоднозначной была оценка данной концепции в публикациях советских авторов, главным образом образом филологов, в которых отдавалось должное и новизне подхода Берлина и Кея²¹. (Заметим, что намного раньше принцип исторического развития цветоименований обосновал советский психолог Ф. Н. Шемакин, также опиравшийся на этнографический материал, и еще раньше к той же идее пришел югославский этнограф и искусствовед Л. Бабиш²²).

В их работе привлекателен прежде всего исторический взгляд на цвет как культурную реалию; диалектична идея поступательного развертывания системы цветowych категорий; интересен замысел проследить в процессе категоризации цвета некую внутреннюю логику.

Однако объяснить происхождение, последовательность развития цветowych представлений, не выходя за границы лингвистики, в принципе невозможно. Отсутствие в работе конкретно-исторического анализа хозяйственно-трудовой деятельности, которая непосредственно детерминирует структуру цветowych понятий, превратило рациональную идею в излишне формальную схему²³. В ней, кроме того, учитываются только абстрактные цветowe понятия, в то время как традиционные культуры обладают богато развитой, конкретно-образной терминологией, не укладывающейся в базовый лексикон. К этому слою терминологии не может быть приложена неадекватная, европейская мерка.

Таким образом, тезис о прямой зависимости между определенным набором абстрактных цветowych терминов и уровнем исторического развития культуры представляется весьма проблематичным, хотя нельзя отрицать подобную связь в качестве тенденции. Другое дело — последовательность формирования абстрактных категорий в языке, по крайней мере первых трех цветов (белого, черного, красного). Она столь убедительно подтверждается результатами многочисленных исследований по цветовой терминологии разнообразных традиционных культур, что может рассматриваться как вполне достоверное обобщение. Универсальный характер этих категорий, их поэтапное появление в любой культуре, как уже отмечалось выше, предполагает, что в основе их формирования лежат универсальные социально-исторические и психические процессы.

Зарубежные источники богаты материалами, убедительно показывающими первичность бинарной оппозиции белого и черного. О непреложном существовании этой дохроматической фазы цветообозначения говорят, в частности, работы В. Тернера²⁴. Психологи видят ее истоки в ритмах природного окружения: изначально человеческая жизнь регулировалась двумя факторами — дневным светом и ночной тьмой. Свет ассоциировался с активной деятельностью и солнечным теплом, а мрак ночи — с пассивностью, холодом и таинственностью. Отсюда выводится устойчивый для большинства культур комплекс положительных значений белого, белизны, светлого и отрицательных — черного, черноты, темного²⁵.

Видный американский языковед М. Свадеш подчеркивал, что у многих народов Африки, Океании и Южной Америки есть лишь два или три понятия, относящихся к цвету, прежде всего это «светлый» и «темный», а также третий — «красочный»²⁶. Однако из работы М. Свадеша, как и других исследователей, специально изучавших цветотерминологию в традиционных культурах, становится очевидным, что под светлым и темным, белизмой и чернотой подразумеваются не просто понятия о белом и черном. Как правило, термин «светлый» покрывает не только ахроматические оттенки серого, но и все малонасыщенные, светлые оттенки хроматического цвета, а термин «темный» включает соответственно не только темные оттенки серого, но и всю область темных хроматических цветов²⁷.

Эти полевые наблюдения вполне укладываются в вышеупомянутую схему Берлина и Кея. В своем комментарии к ней они отмечали, что если в языке содержатся абстрактные термины только для белого и черного, то это не означает, что у носителей данного языка нет представлений о других цветах. Само понятие «черный» в подобном случае используется для обозначения не только всех темных, но также и «холодных» участков спектра, а к термину «белый» сводится совокупность не только светлых, но и «теплых» тонов.

Возможно, именно огромным значением естественно-природного цикла смены дня и ночи для жизнедеятельности первобытного человека можно хотя бы отчасти объяснить тот факт, что большое число ранних систем цветowych классификаций основано не на различении по цветovому тону, но по признаку светлоты, яркости и насыщенности. У. Геддес обнаружил это явление у коренного населения Фиджи, а Р. Турнвальд — у жителей Соломоновых островов²⁸.

Чрезвычайно любопытен принцип двучленной классификации, найденный Э. Хейдер у народности дани (Новая Гвинея). Один термин здесь распространяется как на темные, так и на холодные цвета, другой охватывает все светлые и теплые. Исследовательница ставит цветovую классификацию дани на первую ступень, по схеме Берлина и Кея, поскольку термина здесь тоже только два, но одновременно отмечает, что данная цветovая система не имеет аналогий среди известных до сих пор: указанные термины у дани означают не яркость и не оттенок цвета, но комбинацию этих признаков²⁹.

Еще более обширные источники, свидетельствующие о распространенности трихотомической цветovый классификации (черный, белый, красный) у различных народов мира на ранних стадиях общественного развития. В схеме Берлина и Кея эти три цвета занимают II-ю ступень, знаменующая следующую стадию эволюции человеческих культур. (Красный цвет здесь трактуется не только как «фокусный красный». Он включает в себя также все оттенки красного, теплые оттенки желтого, коричневого, розового, фиолетового цветов.) Известно, что английский этнограф В. Тернер считает триаду белый — черный — красный не только универсальной, но и, возможно, первичной³⁰. В любом случае большинство известных нам авторов, как зарубежных, так и отечественных, согласны и с универсальным характером этой цветovый триады, и с тем фактом, что термин для красного цвета вообще стал первым в культурно-языковом освоении хроматического ряда³¹.

В пользу этого общего мнения приводятся веские основания. Во-первых, огромное значение красного цвета в жизни людей на ранних ступенях истории объясняется его тождеством с цветом крови. В выживании людей большую роль сыграла охота. Можно допустить, что благодаря ей складывалась достаточно устойчивая архетипическая связь между периодами человеческой активности, эмоционального напряжения и красным цветом крови убитых животных, их сырым

а также человеческой кровью, пролитой на охоте, позднее — при военных действиях и жертвоприношениях³¹.

Ассоциация красного цвета в первобытную эпоху с кровью (как и в позднейших культурах, например, в христианской символике) достаточно широко известна и полно исследована. На материал традиционных культур она хорошо изучена В. Тернером³². Его выводы, как и результаты многих других работ, показывают, что для культовой и ритуальной деятельности имело первостепенное значение именно отождествление красного цвета с кровью.

Во-вторых, существует, как известно, и другой отождествляемый с красным цветом природный элемент — огонь, связанный с теплом, защитой от опасностей и обладающий витальной важностью для человека в мире первозданной, еще не освоенной им природы. Неоспоримый факт такой связи подчеркивается многими учеными, в том числе уже упомянутыми М. Люшером, М. Свадешем и др.³³

Многие авторы в разное время и независимо от идейно-теоретического размежевания указывают на красный цвет крови и огня как олицетворение живого, активного начала в человеческой жизни³⁴. Наряду с этой универсальной ассоциативной связью красного с кровью и огнем существуют и менее распространенные локальные идентификации красного цвета, обусловленные спецификой жизнедеятельности и среды обитания. Так, у островитян островов Тробриан английский этнограф С. Тамбиан обнаружил ассоциацию красного с одной из пород красной рыбы, которая служит едой для предков³⁵, а Р. Турнвальд нашел другую ассоциацию — с местной красной землей, которая в окраске лица символизировала кровь³⁶.

Наконец, в-третьих, ранней повсеместной категоризации красного цвета благоприятствовало широкое распространение окрашенных в этот цвет природных материалов и красителей. Как полагают многие зарубежные авторы³⁷, первыми хроматическими красителями в палитре палеолитических художников стали материалы с цветами теллого участка спектра и преобладанием оттенков красного. Это обстоятельство связывается с повсеместным присутствием в природе красной глины и охры, оказавшихся наиболее доступными для первобытного человека. Во всяком случае, в памятниках первобытной наскальной и пещерной живописи в Испании (Альтамира), Франции (Монтеспан, Ласко) и на Южном Урале (Капова пещера) изображения животных выполнены кроме черной — красной, желтой и коричневой минеральными красками.

Данные археологии и истории добычи металлов³⁸ убедительно подтверждены этнографическими свидетельствами о красителях, используемых в архаических культурах недавнего прошлого и настоящего. Красный, охристый цвет осваивается повседневной практикой изолированных этносов раньше других хроматических тонов и доминирует в окраске объектов материальной культуры, обрядовой и культовой деятельности. Отсюда и необходимость в цветоименованиях для красного и его оттенков возникла раньше, чем потребность в других терминах³⁹.

Три последующие цветовые категории, «зеленый», «желтый» и «синий», занимающие III, IV и V ступени в эволюционной схеме Берлина и Кея, могут также с полным основанием претендовать на высокую частоту их использования в цветовых классификациях традиционных культур, которую, чем рассмотренная выше триада, но большую, чем все категории, занимающие остальные ступени схемы или оставшиеся за ее рамками. Распространенность цветовых терминов для зеленого и синего цвета в языках традиционных обществ, как показывают Б. Берлин, П. Кей и другие исследователи, связана прежде всего с преобладанием этих цветов в окружающем природном мире⁴⁰. Еще более непосредственно происхождение оттенков зеленого сопряжено с окраской растений, являющихся основой питания.

Аналогичные соображения касаются и терминов для желтого цвета — цвета злаков, спелых плодов и многочисленных домашних и промысловых птиц и животных. В ряде случаев, исходя из условий жизни определенного этноса, зарубежные авторы указывают как на предпосылку становления желтого цвета на окраску естественной среды (пустыни), природных объектов и материалов (свет солнца и звезд, желтизна меди и золота).

В рамках данной статьи не представляется возможным проследить становление других «базовых» категорий. Но и сказанного выше достаточно, чтобы увидеть непосредственные истоки цветовых универсалий в повседневной практике традиционных этносов с ее общеисторическими чертами и хотя бы отчасти убедиться в перспективности исторического взгляда на цветовые представления.

«Базовые» термины, как было отмечено, отнюдь не исчерпывают цветовую лексику, являясь в известной мере лишь ее «интернациональным» ядром, тогда как обширную периферию ее занимают этнически специфические термины и выражения, трудно переводимые на языки других культур, содержащие в себе тот или иной конкретно-чувственный образ⁴². Эти «дологические» цветовые представления, возможно, наиболее интересны для нашей темы, поскольку они представляют собой древнейший слой цветообозначений, удельный вес которого особенно велик в традиционной культуре. Даже в развитых европейских языках есть прямые следы этого слоя (цвет «спелой вишни», «красный как рак», «малиновый», «изумрудный» и т. п.). К сожалению, именно этот аспект становления цветовой культуры остался малознанным как у нас, так и за рубежом⁴⁴.

Проблема заключалась в том, чтобы раскрыть историческую взаимосвязь этих двух слоев и выявить истоки эволюции цветовых представлений по степени их абстрактности или конкретности. Хотя мера абстрактности цветовой терминологии — показатель сам по себе неэтнический, однако она прямо или косвенно свидетельствует об уровне развития данной этнической культуры, а конкретная терминология, отразившая своеобразие начальных условий этногенеза, демонстрирует и наиболее глубинный слой специфичности цветовой культуры этноса.

Изначальный уровень практики традиционных обществ, остававшейся во многом полуинстинктивной деятельностью и не носившей рационально-логического характера, предопределял чувственно-образ-

ный, конкретно-предметный метод цветообозначения, который присущ наиболее архаичным этносам. Первоначально цвета большей частью, обозначались по предмету, для которого они были характерны. Отвлеченные от предмета, которому они принадлежали, обобщенные названия цветов появились лишь впоследствии. Нередко обозначался не столько сам предмет, сколько его сторона, качество или фаза в развитии, существенная для практики. Кроме того, обозначению могло подлежать само практическое действие. Так, Т. Монберг установил, что у аборигенов о-ва Тикопия (Соломоновы острова) в цветоименованиях проявляется слитность последних с обозначением природных объектов, в частности с растениями, а еще больше с естественными процессами — такими, как стадии созревания фруктов. По мнению исследователя, до знакомства с европейцами островитяне вообще не имели абстрактных понятий о цвете.

Возможно, самую архаичную форму цветообозначения нашел французский ученый П. Мете у коренного населения Новой Каледонии, которое пользуется такими необычными сложными обозначениями, как «ресницы полевых мышей в движении», «боги выходят», «медленная прогулка по святой траве»⁴⁰. С их помощью описывались последовательные фазы хроматических изменений при убывании дня и наступлении ночи. Цветообозначение отражает здесь действие слитно с объектом. Аналогичное явление было обнаружено у полинезийских тонга, причем такое синтетическое наименование цвета может подразумевать не один, а несколько значимых цветовых тонов.

Интересный анализ подобного способа цветообозначений дал югославский исследователь З. Павлович, определивший его как «квазиметафорический»⁴¹. Действительно, поскольку такие наименования содержат перенос на цвет признаков других явлений или предметов, они напоминают метафору. Вместе с тем в дальнейшем языковая конструкция теряет непосредственную связь с каким-либо предметом, утрачивает метафорический смысл, приобретает признаки обобщения. В своей монографии З. Павлович убедительно показал, что конкретно-образное цветообозначение исчезает по мере удаления человека от хроматического мира природы и создания своей собственной хроматической среды. Это происходит прежде всего с развитием ремесел, появлением городских поселений и созданием разнообразных минеральных и органических красителей.

Искусственно созданная цветовая среда принесла с собой хроматическую константность, заменившую бесконечные переменчивые и динамичные светохроматические взаимодействия в природе. В частности, развитие технологии красителей содействовало более обобщенному и точному разделению хроматических восприятий и обозначению каждого из них особым именем (по принципу: один цветовой тон — одно наименование)⁴². На этой основе совершился переход к абстрактно-понятийному отражению цвета.

Его зачатки в виде нескольких «базовых» категорий рождаются уже в традиционных обществах, но развиваются крайне медленно, исподволь разрушая «квазиметафорический» и конкретно-предметный мир цвета, который характерен для архаики. Специфика цветовой гаммы, используемой в данной культуре, задавалась в целом особенностями хозяйственно-трудовой деятельности.

В этой связи цветовой спектр осваивался первобытными культурами медленно и избирательно. Длительное время они пользовались лишь витально необходимыми цветами, от различия которых зависело и само выживание общества. Окраска непосредственных источников существования была исходным пунктом развития цветообозначений всех народов. Однако характер этих источников прямо зависел от основного для данной общности вида деятельности. Г. Конклин, в частности, показал происхождение цветовой терминологии в племени собирателей хануно (Филиппины) от названий съедобных и лечебных растений⁴³. Поэтому неудивительно, что наилучшую цветовую номенклатуру жителей этого ареала смог создать именно ботаник⁴⁴. По свидетельству американского антрополога Ф. В. Рея, основанному на внушительном полевом материале (по 60 индейским племенам Северной Америки), цветные системы обследованных им традиционных общностей изобилуют терминами, производными от названий цветов, фруктов, деревьев и т. п.⁴⁵ Таким образом, в многообразии цветowych представлений отчетливо проступает воздействие хозяйственно-культурного типа собирателей.

Влияние иных типов деятельности у племен и народов, занятых охотничьей и пастушеской деятельностью, выливается в хорошо известный зооморфизм культуры: стремление к изображению животных или по их подобию — всего окружающего. В этом случае эталоны цветоразличения формируются на основе окраса промысловых и одомашненных животных или окраски продуктов животноводства. Так, нетрудно определить по одной только цветовой лексике, что основное занятие народа фульбе (Западная Африка) — скотоводство. Достаточно сказать, что фульбе различают 96 оттенков мастей коров⁴⁶. На тонкую дифференциацию цвета в обозначениях окраса животных обратил внимание еще в начале XX в. Р. Вудвортс, зафиксировавший у народа коса (Южная Африка) свыше 30 слов и выражений для обозначения масти крупного рогатого скота. Показательно и наблюдение Вудворта в другом южноафриканском племени — дамара (этноним Вудворта), где информанты различали без труда цвета, совпадающие с окрасом коров, овец и коз. Но, когда им предъявлялись синий или зеленый цвета, те же информанты испытывали затруднения, ибо для обозначений этих цветов в их языке не было собственных отвлеченных наименований. Загадку неравномерности освоения цветового спектра Р. Вудвортс первым попытался объяснить практическими потребностями людей. «Если бы коровы были синими или зелеными, история цветового словаря могла бы стать совершенно иной» — остроумно заключает ученый⁴⁷.

«Цветовой зооморфизм» не всегда столь очевиден и может выступать элементом цветовой дифференциации колористики естественно-природного окружения. Так, цветовой словарь многих северных народов, наряду с обязательным широким набором слов для обозначения мастей оленя, содержит, как правило, богатый спектр терминов для обозначения белого цвета⁴⁸. К тонкой нюансировке белого вынуждала, прежде всего, насущная потребность выделять из однородно белой среды промысловых животных с покровительственным окрасом. Кроме того, оттенки льда и снега

служат надежным индикатором их состояния и качества, что имеет в жизни этих народов большое хозяйственное значение.

В целом же материалы зарубежных исследований обнаруживают типичную для традиционных культур тенденцию к более подробной терминологической разработке красно-желтой гаммы на абстрактно-понятийном уровне. Можно предположить, что категоризация этого участка спектра шла значительно быстрее, поскольку колористика основных сфер жизнедеятельности любого этноса — жилище с очагом, утварь, домашние и промысловые животные, продукты питания — по преимуществу локализуется именно в области спектрально теплых тонов. Участок холодных тонов, в основном, характеризует чуждость природных ландшафтов. Поскольку их связь с непосредственной этнокультурной практикой ощутимо слабее, категоризация цвета в холодной области спектра проходила значительно медленнее. Для различения оттенков синего, зеленого, фиолетового многие культуры часто довольствовались конкретными, предметно-связанными определениями цвета⁵⁶. Последнее иногда ошибочно принималось исследователями за отсутствие цветообозначений или неспособность к различению цвета в данном участке спектра⁵⁷. Таким образом, тезис о произвольности деления цветового пространства каждой культурой, выдвинутый Ф. Реем, оказывается несостоятельным, поскольку возможности каждой из них достаточно жестко детерминированы и ограничены условиями практической жизни.

* * *

В основе формирования ряда базовых цветовых категорий лежат определенные универсальные общесоциальные элементы человеческого опыта. Истоки же параллельно существующих в традиционных культурах (и не только в них) этнически специфических цветовых представлений и терминологии следует искать в особенностях их среды обитания и конкретной этнокультурной практики. В этой связи реконструкция значений цвета и, прежде всего, анализ конкретно-ассоциативной цветовой лексики, которой буквально пронизаны языки народов, особенно сохранивших черты традиционного уклада, могут дать исследователю немало дополнительной этнокультурной информации.

Цветовой словарь отражает, как выяснилось, реальное бытование цвета в этнической культуре. Жизнь традиционного общества насыщена цветом. Он является существенным индикатором для определения зрелости посевов и плодов, различения животных, ориентации в природной среде. Более того, в структурировании окружающего мира цветовые обозначения становятся своеобразной системой координат, либо замещающей, либо дублирующей пространственно-временную. Многочисленные примеры цветовых знаковых систем, отождествляемых в различных культурах и по-разному со сторонами света, вертикальным членением мира, природными стихиями, календарными циклами и т. д. Для всех народов на определенном этапе развития сезонные изменения в цветовой гамме природы служили одним из главных способов ориентации во времени, смене времен года, так тесно связанных с хозяйственной деятельностью. Наряду с временной встречаются формы пространственной ориентации с помощью цвета⁵⁸.

Во многом хроматичен и духовный мир традиционной культуры. Морально-этические и эстетические представления людей, их психологические стереотипы закреплены в определенных цветах и цветовосприятиях. В зарубежной литературе достаточно полно изучен символический аспект функционирования цвета, где первичной цветовой триаде — черный, белый, красный — соответствуют и наиболее устойчивые символические коннотации. По мере отдаления от триады круг значений каждого следующего, освоенного культурой цвета расширяется, становясь все более специфичным в границах отдельных культур, но эта грань проблемы исследована гораздо меньше. Отдельного внимания заслуживает и примыкающая к ней тема формирования этнических цветовых предпочтений.

Примечания

¹ По истории данной проблематики наиболее ценны следующие источники: *Parsons J. H. An Introduction to the Study of Colour Vision. Cambridge, 1924; Woodworth S. Psychological Issues. N. Y., 1939; Voir et nommer les couleurs/Ed. Tornay, Naniérre; 1978. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Berkeley, 1969.* В отечественной науке знакомство с зарубежными исследованиями по проблеме цвета, насколько нам известно, ограничивалось работами естествоиспытателей, филологов и литературоведов; см., например, *Петрушевский Ф. Ф. Цветовые ощущения древних и новых народов//Вестн. изыск. искусств. 1889. Т. 7. Вып. 4; Кацнельсон С. Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь//Изв. АН СССР. Отд.-ные литературы и языка. 1947. Т. 6. Вып. 4; Лосев А. Ф. Эстетическая терминология ранней греческой литературы//Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1954. Т. 83. Вып. 4; и др.*

Наибольшей полнотой, как представляется, обладает обзор истории вопроса по зарубежным источникам, сделанный психологом Ф. Н. Шемякиным: *Шемякин Ф. Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия)//Тр. ин-та психологии. М., 1960. Вып. 113.*

² *Gladstone W. E. Studies on Homer and the Homeric Age. Oxford, 1858. P. 458—499; Geiger L. Contributions to the History of the Development of the Human Race. L., 1880. P. 48—63; Magnus G. Histoire de L'évolution du Sens des Couleurs. P., 1878.* (Выводы указанных авторов основаны на тщательном текстологическом анализе цветоименований, содержащихся в древнейших письменных источниках, — античных, китайских, семитских, индийских и пр.).

³ Rivers W. H. E. Primitive Colour Vision//The Popular Science Monthly L.; N. Y., 1901. V. 59. P. 44—58; *idem*. Observations on the Senses of the Todas//Brit. J. Psychol. L., 1905. V. 1. P. 321—396 и др.; Titchener E. On Ethnological Tests of Sensation and Perception//Proceed of the American Philos. Society. 1916. V. 55. P. 204—236; Kepner W. A. Observations on Color Perception among the Visayans of Leyte Island//Science. 1905. V. 22. P. 599—683.

В тропиках была обнаружена более высокая чувствительность к теплой части спектра и пониженная — к холодной его части, что У. Риверс и М. Борнштейн непосредственно связали с большей выраженностью желтого пигмента в сетчатке глаза, характерной для населения этого региона. Повышенную плотность желтой пигментации сетчатки М. Борнштейн поставил в зависимость от интенсивности солнечного облучения, которое в свою очередь зависит от высоты над уровнем моря и близости к экватору. С повышением уровня инсоляции и возрастом плотности желтого пигмента вследствие определенных биофизических процессов снижается чувствительность к коротковолновому сине-зеленому участку спектра. Плотность пигмента также возрастает с присутствием в пище каротиноидов, обеспечивающих выработку в организме витаминов группы «А», входящих в состав зрительного пурпура. Указанные причины служат основой смещения цветов в холодной части спектра. (Bornstein M. H. Color Vision and Color Naming: a Psychophysiological Hypothesis of Cultural Difference//Psychol. Bull. 1973. V. 80. P. 257—285; Geddes W. R. The Color Sense of Fijian Natives//Brit. J. Psychol. Cambridge, 1946. V. 37. P. 30—36.

⁴ Grand Y. Le variation dans la vision humaine des couleurs//Problèmes de la couleur. P., 1957. P. 85.

⁵ Allen G. The Colour Sense. Its Origin and Development. An Essay in Comparative Psychology. V. X. L., 1879.

⁶ Ibidem. P. 221.

⁷ Первый из них — У. Риверс пришел от биозволюционного к социокультурному пониманию проблемы: Rivers W. H. R. The Todas L.; N. Y. 1906; Woodworth R. S. The Puzzle of Color Vocabularies//Psychol. Bull. 1910. V. 7. P. 325—334; Titchener E. Ibidem.

⁸ Этому, по-видимому, способствовала и устойчивая популярность в указанный период во многих англоязычных странах так называемой «лингвистической» философии, которая любую научную проблему сводила к анализу языка.

⁹ Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа//Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 111—134.

¹⁰ Heider E. E. Universals in Color Naming and Memory//J. Experimental Psychol. 1972. V. 93. № 1. P. 20.

¹¹ Parsons J. H. An Introduction to the Study of Colour Vision. Cambridge, 1924. P. 163.

¹² Lüscher M. Psychologie der Farben. Basel, 1949; Segall M. H., Campbell D. T., Herskovits M. J. The Influence of Culture on Visual Perception. Indianapolis, 1966. P. 37—48.

¹³ Брунер считает, что какие бы различия ни существовали в познавательных процессах людей разных культур, они ограничены общей наследственностью и многими чертами психической жизни». Коул М. и Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977. С. 38; см. также: Heider E. E. Op. cit. P. 10—20.

¹⁴ Steward J. H. Theory of Culture Change — the Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955.

¹⁵ Sahlins M. Culture and Environment: the Study of Cultural Ecology//Horizons of Anthropology. Chicago, 1964. P. 132—138.

¹⁶ Smith A. Social Change. N. Y., 1976. P. 46—49.

¹⁷ Хотя своеобразие цветowych традиций, предпочтений, символики обнаруживается и у более разнотых этнических общностей — народности и нации, здесь в условиях широких и разнообразных этнокультурных связей и транскультурных (в том числе и региональных, как в Европе) процессов труднее выделить и проследить исконные национальные традиции цветоупотребления, тем более что многие крупные этносы связаны между собой единым языком, общей религией и многими элементами культуры. При изучении же архаического этноса все механизмы, обеспечивающие возникновение и поддержание традиций цветоупотребления, можно проследить с наибольшей полнотой и как бы в чистом виде. Кроме того, цветowe традиции меняются весьма медленно и лишь на значительной исторической и культурной дистанции выявляются их динамика.

Исследование первобытной культуры освобождает от необходимости выделения этнического ядра цветовой символики, чего невозможно избежать при анализе развитой культуры классового общества, где обычно возникает сосуществование и (или) оппозиция развитой религиозной и народной символики.

Другая сложность, которой удастся избежать, изучая лишь архаические общества, связана с отсутствием социально-классовой дифференциации, которая требует обычно выявления нескольких разнородных слоев цветовой культуры.

И наконец, богатство конкретно-образных, предметных цветообозначений в цветовом словаре именно традиционных обществ делает такой словарь, как будет показано ниже, наиболее информативным и ценным для этнокультурного анализа.

¹⁸ Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Berkeley, 1969.

¹⁹ Строго говоря, цветowych терминов только восемь, но в культурном контексте спектрально ахроматические белый, черный и серый рассматриваются как равноправные цветowe категории.

²⁰ Sahlins M. Colors and Cultures//Semiotika. 1976. V. 16. № 1. P. 1—22. Conklin H. Color Categorization//Amer. Anthropol. 1973. V. 75. № 4. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984. С. 175; Ее же. О методе изучения семантики цветообозначения//Семиотика и информатика. 1978. Вып. 10. С. 142—161; Василевич А. П. Основные цветоименования: конструкт или психо-

лингвистическая реальность//Тез. VII Всесоюз. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникаций М., 1982. С. 124—125;

²² Шемякин Ф. Н. К вопросу об историческом развитии названий цвета//Вопр. психологии 1959. № 4. С. 16—28 и другие его работы; *Babic L. Boja i sklad*. Zagreb, 1943.

²³ В 1970-е годы подход Берлина и Кея к проблеме подвергся своего рода модернизации как со стороны самих авторов, так и их последователей. Проверка положений, постулируемых схемой на более широком полевом материале убеждает ученых в формальной ограниченности схемы. Критике, в частности, подвергся сам метод, при котором спектральная идентификация цветовых образцов предполагала строгое соответствие каждой цветовой монолексеме единственного спектрального фокуса. В 1978 г. П. Кей и К. Макданиел предложили при обработке полевого материала теорию «расплывчатого» или неопределенного фокуса. Базовые цветные категории вычленились теперь из непрерывного спектрального континуума, где каждой соответствовала уже не точка, а скорее участок спектра с более или менее обозначенными границами. Новый подход по мнению авторов обеспечивал более адекватное описание цветового словаря, поскольку приближен к реальному механизму кодирования цвета в языках народов мира. Соответственно усложнилась и, приведенная в тексте, схема 1969 года: первая ступень отразила начальную нерасчлененность двух цветных зон — темной и холодной, светлой и теплой. Подтверждена также, проверенная на практике, тенденция к неравномерности последующей дифференциации этих двух цветных областей: если «светло-теплая» начинает распадаться терминологически на белый, красный и желтый на уровне второй — четвертой ступени, то область «темно-холодных» тонов воплощается в категориях для черного, зеленого, синего лишь на уровне пятой ступени. До этого момента они рассматриваются как «межфокусные» области цветовых ощущений, представленные в языке конкретно-образной лексикой. Авторами подчеркнута также важная для деканонизации схемы идея ее открытости — т. е. наличие в настоящем во всех европейских языках одинацати абстрактных цветных категорий (VII ступень) не исключает обретения абстрактной статуса и другими цветными терминами. Так, для русского языка 12-ой цветовой категорией уже стало по сути слово «голубой», к этому уровню приближается английское слово «chartreuse» (по ассоциации с ликером желто-зеленого цвета). Таким образом, формирование базового цветового лексикона в любом из известных языков рассматривается как живой, разворачивающийся из прошлого в будущее процесс. *Kay P., McDaniel C. K. The Linguistic Significance of the Meaning of Basic Color Terms//Language*. Baltimore, 1978. V. 54. № 3. P. 610—646.

²⁴ Тернер В. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала Ндембу)//Семiotика и искусствометрия. М., 1972. С. 51; и др.

²⁵ *Lüscher M. Psychologie und Psychotherapie als Kultur*. Basel, 1955.

²⁶ *Swadesh M. The Origin and Diversification of Language*. L., 1972. P. 204—205.

²⁷ Ссылаясь на подобное явление, зафиксированное среди племен американских индейцев, этнограф из США О. Клайнберг замечает, что и синий, и зеленый цвета могут быть названы у них одним словом, если оба они — темные, и свободно объединены другим термином, если они светлые. Автор считает это не более необычным, чем использование носителями английского языка единого термина blue для обозначения небесно-голубого, бирюзового, темно-синего и т. д., т. е. сведение к одному термину более широкого диапазона сенсорного опыта. *Klineberg O. Race Differences*. N. Y., 1935. P. 144.

²⁸ *Geddes W. R. The Colour Sense of Fijian Natives//Brit. J. Psychol.* 1946. V. 37. Pt 1. P. 35. *Thurnwald R. Ethnopsychologische Studien*. Lpz., 1913.

²⁹ *Heider E. R. Probabilities, Sampling and Ethnographic Method: the Case of Dani Colour Names//Man*. 1972. V. 7. № 3. P. 448—466.

³⁰ Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 102—103.

³¹ Шемякин Ф. Н. Названия цвета в ненецком и селькупском языках//Мышление и речь. Тр. Ин-та психологии. М., 1960. С. 49—60; его же. К проблеме словесных и чувственных обобщений (на материале названий цвета в чукотском языке)//Там же. С. 72—75; *Jacobson A. Symbolisme des couleurs et ordre social le culte nkisi chez les Bacongou//Voir et Hommes...* 1978. P. 525—551; *Kuschel R. Monberg T. We Don't Talk Much about Colour Here: a Study of Colour Semantic in Bellona Island//Man* 1974. № 2. P. 213—243 и др.

³² The Lüscher Color Test. N. Y., 1971. P. 18—19: В результате, по мнению швейцарского психолога М. Люшера, выработался ярко выраженный стимулирующий эффект красного цвета на нервную систему. Исследования показывают, что организм человека реагирует на красный цвет резким повышением кровяного давления, учащением дыхания и сердечного ритма.

³³ Тернер В. Проблема цветовой квалификации... С. 50—81. См. также его статью в сб.: Символ и ритуал. С. 100—108.

³⁴ Лингвистический анализ цветотерминологии разных культур, сделанный М. Свадешом, свидетельствует, что не только красный, но и ряд других терминов коренятся в словах, обозначающих свет, пламя, горение, костер и т. д. (например, желтый, коричневый и даже черный — по ассоциации с золой, сажей и др. продуктами горения).

Гельмгольц, ссылаясь на филологические данные обратил, например, внимание на то, что санскритское слово «рудхир» одновременно обозначает и «красный», и «кровь». Но корень этого слова «рудх» указывает на его исходное значение, связанное с огнем. (См. Шемякин Ф. Н. Об отношении слова и наглядного образа. С. 29). *Havelock E. The Psychology of Red//The Popular Science Monthly*. 1900. V. LVII. № 4. P. 365—375; № 5. P. 517—526; *Woodworth R. The Puzzle of Color Vocabularies//Psychol. Issues*. N.-Y., 1939. P. 238, 242.

³⁶ *Tambian S. J. The Magical Power of Words//Man*. 1968. V. 3. № 2. P. 175.

³⁷ Трүнвальд Р. Указ. раб.

³⁸ Лунс Ю. Происхождение вещей. М., 1954. С. 54; Bouloumier G. Prehistoire de l'usage des Matieres Colorantes//Voir et Hommes... P. 465—476; Verity E. Colour Observed. L., 1980. P. 22—24.

³⁹ Более 200 тысяч лет назад окисленные железистые руды уже использовались как красители. Иванова Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983. С. 7.

⁴⁰ Woodworth R. The Puzzle of Color... P. 242.

⁴¹ Данные по системам цветовой классификации у многих народов оспаривают первичность категоризации в языке зеленого, а не синего цвета. Есть основания полагать, например, что и в таком развитом языке как японский, термин для синего намного древнее, чем для зеленого. Скорее всего эти цвета практически равнозначны в культуре, часто они взаимозаменяемы даже в описании растительности. Такая недифференцирующая стадия в становлении этих категорий была закреплена в условном термине «холодный» — «grue» (производный от green+blue). Не случайно среди других форм цветовой идентификации сине-зеленая отмечена как наиболее распространенная (см. прим. 57). Berlin B., Berlin E. A. Aguauruna Color Categories.//Amer. Ethnologist. 1975. V. 2. No 1. P. 61—87.

⁴² Американский ученый Г. Конклин в цветообозначениях племени Хануноо (Филиппины) выделил два таких уровня: абстрактно-понятийный, насчитывавший четыре категории, и уровень конкретной терминологии, детализирующий значения основных цветов. Конкретный уровень включает в себя несколько сотен специфических терминов, перекрывающих значения друг друга и смежных категорий. (Conklin H. C. Hanunoo Color Categories.//Southwest. Journ. of Anthropol. 1955. V. 11. No 4)

⁴³ Корсунская Т. Т., Фридман Х. Х., Черемисина И. И. О системе цветообозначений в русском, английском и немецком языках//Уч. зап. Горьковского пед. ин-та иностранных языков. 1963. Вып. 23. С. 97—103.

⁴⁴ Еще в 1959—1960 гг. советскими психологами была обследована цветовая лексика малых народов Севера — ненцев, селькупов, чукчей, эвенов. Результаты, полученные ими, были аналогичны наблюдениям Г. Конклина. (См. Шемякин Ф. Н. Указ. раб.).

⁴⁵ Monberg T. Tikopia Color Classification.//Ethnology. 1971. V. 10. PP. 349—357.

Красноречивый материал по «ботаническим» цветовым классификациям содержат также словари навахо, лесных племен агуаруна (Перу) и буганда (Уганда). Причем этимология многих, уже отвлеченных от предмета названий цвета, отнесенных специалистами к категории абстрактных, ясно указывает на их происхождение от названий местных фруктов, овощей, злаков и пр. Landar, Ervin. Horovitz. Navaho Color Categories.//Language. Baltimore, 1960. V. 36. No 3. Part 1. P. 368—382; Berlin B., Berlin E. A. Aguauruna Color Categories.//Amer. Ethnologist. 1975. V. 2. No 1. P. 61—87; Pollnac R. B. Intra-Cultural Variability in the Structure of Subjective Color Lexicon in Buganda.//Ibidem. P. 89—109.

⁴⁶ Metais P. Vocabulaire et symbolisme des oculeurs en Nouvelle Calédonie.//Problemes de la couleur. P., 1957. P. 351.

⁴⁷ Beaglehole E. Tongan Color Vision. Man. 1939. V. 39. P. 170—172.

⁴⁸ Pavlović Z. Svet boje. Beograd, 1977. S. 17—19.

⁴⁹ Ibid. P. 20—22.

⁵⁰ Conklin H. C. Op. cit. P. 342—343; Кроме того, у Хануноо была найдена оригинальная классификация цветов по признаку сухости или влажности цвета, что связано со степенью сочности растений и соответствующими ей оттенками цвета растительности.

⁵¹ Bartlett H. Color Nomenclature in Batao and Malay.//Papers Michigan Academy of Science. Arts and Letters. 1929. V. 10. P. 1—22.

⁵² Ray F. V. Techniques and Problems in Study of Human Color Perception.//Southwest. Journ. Anthropol. 1952. V. 8. No 3. P. 258.

⁵³ Зубко Г. В. Материалы к древнейшей мифологии фульбе//Сов. этнография. 1987. No 1. С. 113.

⁵⁴ Woodworth H. The Puzzle of Color... P. 247.

⁵⁵ Rivers W. H. E. The Colour Vision of The Eskimo.//Proceed. Cambr. Philos. Soc. 1901. V. 11. P. 143—149.

⁵⁶ Например, во вьетнамском языке нет слов, соответствующих русским зеленым, синий и голубой, этот участок спектра покрывается одним абстрактным термином. Однако, внутри этого участка вьетнамцы различают цвет уже более конкретно, через словосочетания типа «синий цвет листьев деревьев», «синий цвет морской воды», «синий цвет неба» и т. д. Буй Динь Ми. Экспериментальное исследование кодирования цвета во вьетнамском и русском языках.//Материалы IV Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникаций. М., 1972. С. 113—114.

⁵⁷ Созданная М. Борнштейном на основе обобщения обширного полевого материала карта цветовой идентификации наглядно показала, что наиболее распространено именно отождествление синего, зеленого, черного цветов в различных комбинациях и сведение их к единой цветовой категории. Случаи же неразличения в желто-зеленом и желто-красной областях спектра встречаются редко. Bornstein M. H. Color Vision and Color Naming: A Psychophysiological Hypothesis of Cultural Difference.//Psychol. Bull. 1973. V. 80. No 4. P. 257—285. Idem. The Influence of Visual Perception on Culture.//Amer. Anthropol. 1975. V. 77. No 4. P. 774—798.

⁵⁸ Любопытен локальный пример ориентации в пространстве с помощью цвета, описанный на монгольском материале. Мера длины равная приблизительно 2-м км называется «черно-белый», поскольку на большем расстоянии в сумерках и на рассвете эти цвета неразличимы. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 31.